

«Не просите позировать...»

Анна Ахматова. 1964 г.

Редакция «Литературной газеты» поручила мне сделать фотопортрет Анны Ахматовой, которой исполнилось 75 лет. Волнуясь, заною по телефону, представляюсь и прошу о съемке.

— Друг мой, я не совсем здорова, не хотелось бы сниматься в таком виде, — услышал я ее спокойный голос. — К чему фотография в моем возрасте? Да и не люб-

лю я сниматься, лучше пусть поместят мой портрет в журнал. Договорились?

— Анна Андреевна, — возмущился я, — снимок нужен срочно в номер...

...И вот я в Сокольниках у старого дома, окруженного огромными тополями, где в те дни проживала Ахматова у своей близкой приятельницы Л. Стенин-Большинцевой. Дверь мне открыла полно-

ватая, увлеченная сединами женщина, не по годам прямая. Ее зеленоватые-серые удлинённые глаза приветливо улыбались:

— Так это вы по мою душу?

Я поздравил ее с днем рождения:

— Будьте всегда молоды, Анна Андреевна, как и ваши стихи!

— А для тех, кто трудит-

ся, старости не существует, — ответила Ахматова и жестом пригласила войти.

Небольшая уютная комната со старой мебелью была щедро освещена солнцем. На столе в вазе — большой букет темно-красных и белых роз. Рядом — стопки рукописей, гранок, книги... Присев в старое кресло, Анна Андреевна попросила:

— Только, Бога ради, не просите меня позировать. Не люблю, да и не умею. Вы курите? Тогда не стесняйтесь. Мне это не мешает, я сама курила много лет.

На прощание она рассказа-

ла мне забавный случай: — Несколько лет назад со мной добивались встречи иностранные корреспонденты. Дело было в Комарове, на даче, которую я любовно называла «моя будка». Журналистам хотелось узнать что-нибудь эдакое о моей якобы «самоизоляции». Один американец был особенно назойлив, и я не знала, как от него отделаться. А выручила меня дачная печь, — рассмеялась Ахматова. — Корреспондент оперся о нее, а она, молодец, обрушилась. Кирпичи полетели, грохоту было!

Я стал надевать плащ, и Анна Андреевна все пыталась помочь мне попасть в рукава. Растерявшись, я умолял ее этого не делать...

Публикуемая здесь впервые фотография Ахматовой — одна из ее последних.

рассказывают

Когда Васе было пять лет

Я познакомился с Борисом Николаевичем Ливановым много лет назад, когда режиссер В. Пудовкин снимал на «Мосфильме» кинокартину «Минин и Пожарский», где Ливанов исполнил роль князя. Натурные съемки шли весной 1939 года на площадке неподалеку от студии, где были выстроены московская улица начала XVII века, деревянные стены Кремля. Работал я тогда в группе знаменитого оператора А. Голлоуи и не расставался с «ФЭДОМ». Снимал, как Пудовкин готовил Ливанова к съемке, — последние стрихи он не доверял ни костюмерам, ни гримерам.

...Снимаю, как «князь Пожарский» размахивает саблей, гарцуя в седле без... лошади. Дело в том, что у Ливанова не было особого желания садиться в седло белоснежного скакуна арабской породы, ни секунды не стоявшего на месте.

— Боря, — умолял его Пудовкин, — мне нужны планы князя в седле. В движении, понимаете?

— Сказал — не сяду! — басом гремел Ливанов. — Только сниматься начал, у меня спектакли, сыну на днях пять лет исполнилось...

Тем, кто видел в фильме Пожарского, летящего на скакуне в гуще боя, и в голову не приходило, что седло укреплено на длинных носилках, которые держали на плечах два дюжих спортсмена. «Топчась на месте», «гарцуя», «переходя в галоп»,

Борис Ливанов на съемках фильма «Минин и Пожарский». 1939 г. (Публикуется впервые).

Пожарский рубил с плеча «захватчиков».

Мне часто приходилось фотографировать Бориса Николаевича на киносъемках, в театре, в его квартире на ули-

це Горького. Он был прекрасным рисовальщиком и, кроме своих знаменитых шаржей, часто набрасывал на бумаге эскизы своих будущих сценических образов.

— Однажды, — рассказывал Ливанов, — работал я над ролью Соленева в «Трех сестрах». Вначале мне этот чеховский поручик казался романтичным, как Печорин. Но вскоре я понял, что не мог он быть столь «снечеховским». Я сел и с карандашом в руке начал искать. Наконец нашелся. Оказалось, он никакой не разочарованный Печорин, а курносый офицер со злым взглядом маленьких глаз. Вот, посмотри. Хорошо, а? — пробасил он, протягивая мне старый рисунок...

А однажды Ливанов сказал: — Сейчас сделаю на тебя шарж... — Он быстро начал набрасывать стрихи, но вдруг спрятал листок в карман. — Как-нибудь потом доделаю...

— Борис Николаевич, но когда мы еще встретимся? Вы уедете, я уеду... Доделайте сейчас, пожалуйста.

— Видаль, какой? — обратился Ливанов к сыну Василию. — Он думает, я Пикассо. Вот заказчик — пламя Медведи — дружелюбно поворачивал он и снова принялся за работу. А через несколько минут, сразив шарж с оригиналом, заявил:

— Похож, правда, Вася? С юмором, и доброты есть, в рисунке...

Прощаясь, мы договорились о скорой встрече. Но через месяц в Риге у киоска я развернул газету и увидел портрет Бориса Николаевича Ливанова в траурной рамке.

Борис ВИЛЕНКИН

Встречи за кадром

Разрешите представить Бориса Виленкина — одного из старейших журналистов, работающих в области искусства. Ему могут позавидовать многие опытные журналисты. Шостакович и Соловьев-Седой, Эйзенштейн и Пудовкин, Хачатурян и Дюк Эллингтон, Шолохов и Симонов, Смоктуновский и Лоллобриджиджа, Крючков и Жан Марс, Уланова и Гагарин... Со многими звездами он не просто работал, но и подружился.

А все началось, когда ему было... девять лет. Из консервной банки он сконструировал самодельный фотоаппарат. Его снимок «Дворник Халимудов» получил тогда на конкурсе в ЖЭКе первую премию — ордер на штаны!

Но если говорить серьезно, работу мастера Виленкина.

на всегда отличало стремление отразить собственное видение мира — об этом говорят и его книги, созданные в своеобразном фотолитературном жанре: «Встречи за кадром», «Фотографии рассказывают», «Неповторимые мгновения», которые я читал с большим интересом. Фотоаппарат, взявшийся за перо, — клад для любой редакции. А уж Борис Виленкин в своих замечательных работах предстает перед нами человеком бесспорно талантливым, смело переступившим рамки своей профессии.

Юрий НИКУЛИН,

член общественного совета «ВК».

На снимке: шарж Бориса Ливанова на Бориса Виленкина. 1972 г.

Несостоявшаяся роль, или Сталин без усов

Грузинский актер Михаил Геловани играл Сталина в восьми фильмах: «Великое зарево», «Выборгская сторона», «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году», «Валерий Чкалов», «Оборона Царицына», «Клятва», «Падение Берлина». Талантливому театральному актеру, изображавшему «самого», на экране надо было неторопливо двигаться по мягкому ковру с неизменной трубкой в руке, задумчиво, тихим голосом говорить с легким кавказским акцентом. Вот и вся «сверхзадача».

В середине 50-х годов на «Мосфильме» снимался научнотрансформационный фильм «Тайна вечной ночи». На роль ученого Мерцалова был приглашен М. Геловани. Но как ни старался режиссер, ученого у актера не получалось — перед кинокамерой

был Сталин: походка, жесты, язык — только без усов и в белом халате. Потом эту роль в фильме исполнил актер М. Астангов.

Нам, членам съемочной группы, Геловани рассказал: — Как-то в два часа ночи в моей квартире на улице Горького раздался звонок и два молодца из ведомств Берии приказали мне следовать за ними. За дверью были слышны рыдания жены. Меня усадили в машину, и она помчалась по ночным московским улицам. Краем глаза я всматривался в окно и увидел, что меня везут не на Лубянку, а на Ближнюю дачу Сталина в Кунцево. Привезли и посадили в зал, минут через сорок вышел «сам»: «Геловани! Говорят, вы — троцкист?» — «Товарищ Сталин, — выдавил я из себя, — какой же я троцкист?»

— Вот и я им говорю, какой же Геловани троцкист! Пойдите за стол, выпьем, почитайте нам из Руставели, споем...

Почитал я «Человек Политбюро из «Витязя», а утром вернулся домой с инфарктом. Да, любил вождь иногда «пошутить».

Кто-то напомнил Михаилу Георгиевичу, что в двух фильмах о войне, «Третий удар» и «Сталинградская битва», роль Сталина исполнил другой актер — А. Дикий.

— Да, действительно, — сказал Геловани, — там играл замечательный русский актер и остроумный человек Алексей Денисович Дикий. Он мне рассказал о своей встрече со Сталиным. На одном из приемов в Кремле Сталин поздравил актера и спросил: «Товарищ Дикий, всем известно, что у меня грузинский акцент. Почему же вы в фильмах говорите на чисто русском языке?»

— А я не вас играл, товарищ Сталин, — выпалил Дикий.

Сталин на мгновение растерялся, раскрутил трубку и после небольшой паузы зло спросил:

— А кого же вы играли?

— Я играл великого вождя великого русского народа, — ответил актер.

Сталин натянуто улыбнулся и скомандовал: «Шампанского товарищу Дикому!» После смерти Сталина и особенно после XX съезда партии о Геловани забыли и он был изгнан из кинематографа: все кадры с ним из фильмов вырезаны. Умер Геловани фатально — в день смерти Сталина в 1956 году...

Марсель Марсо — Бип, Наполеон и коллежский асессор

Семь раз побывал на гастролях в нашей стране Марсель Марсо, изумляя зрителей своим бесловесным, но невероятно красочным мастерством. Мое знакомство с французским мимом состоялось в 1961 году, в первый его приезд в Москву. По заданию редакции я после окончания спектакля отправился в артистическую эстрадного театра «Эрмитаж». Марсо сидел у зеркала и снимал грим. Он выходящее посмотрел в мою сторону с таким нарочито грустным видом, что с ним сразу стало весело и по-домашнему просто.

В образе моего брата мне хотелось создать персонаж, в котором каждый человек, верящий в добро, мог бы узнать себя. Первая моя проба — художник. А второй я обязан немому кинематографу. Я снялся в нескольких фильмах у знаменитого итальянского режиссера Блазетти. Знаете, кого играл? Наполеона... В молодости снялся в дипло-

ной работе приятеля — открылся из повести Голя «Нос». К сожалению, планка пропала, а мечта сыграть героя повести — коллежского асессора Ковалева не проходит уже много лет. Хочу создать пантомиму. Я восхищен Гоголем, он мне близок и понятен.

— А не смогли бы вы, Марсо, сыграть несколько этюдов из «Носа» для фотографии?

Марсо охотно согласился, расставив при этом анкету. — Как-то Сократ спросил, какая часть тела у человека самая неуверительная? Нос, ответил он, моя бабушка всю жизнь водила дедашку за нос, но он этого совершенно не чувствовал.

И мы приступили к съемке. На прощание артист написал на фотографии, сделанной мною: «Человек есть человек, в какой бы части мира он ни жил. Мир — это единство, Марсель Марсо».

Марсель Марсо. 1981 г.

Фотографии

Чингиз Айтматов в том самом самолете. 1963 г.

«Все в порядке — падаем»

...В самолете я достал фотоаппарат и сделал снимок: сын Чингиза Айтматова, Чингиз Айтматов, летящий на родную землю, проплывающую под крылом нашего «ИЛ-6». Самолет пробил облачность и стал быстро набирать высоту, оставляя под собой громаду хребта, последнюю на пути к аэропорту. Вдруг машина резко дернулась и завалилась на бок. Воздушная яма оказалась необычайно глубокой, сначала наш самолет сильно трянуло, затем подбросило. Один мотор заглох, и мы начали стремительно падать. Еще мгновение — и мы врежемся в скалы. Закричали женщины...

В эти весьма неприятные секунды мы услышали громкий голос Айтматова: «Спокойно! Не волнуйтесь — все в порядке...». К счастью, через мгновение оба мотора вновь загудели, полет продолжался.

Уже в аэропорту один из пилотов признался мне:

— Вот, репортер, какие делишки! Пятнадцать лет болтаюсь на этой трассе, такого не бывало. Еще бы несколько секунд и... прощай родители — плоскости не выдержали бы нагрузки и тогда... сам понимаешь...

Думаю, в тот самый момент и сам Айтматов не верил, что все в порядке.

Московские ночи Кабирии

Джульетта Мазина. 1959 г.

Джульетта Мазина приехала в Москву в 1959 году с фильмом «Ночи Кабирии». Когда гости фестиваля отправились отдохнуть на теплотехнику на Верхней палубе, Синьора Мазина как-то удачно создала такой трогательный образ Джульетты в «Дороге», буквально покрывшей зрителей всех стран?

— Целые десять лет она росла, как ребенок, в нашем браке с Феллини. Вынашивая этот образ, он каждый день внимательно наблюдал за мной, делал заметки. Федерико подметил и мое обычное улыбку, не разминая губ. Эта улыбка и стала характерной у Джульетты в фильме.

— Очевидно, трудно совмещать в себе столь разные роли: актрисы, жены и сподвижницы Феллини? — Федерико со мной более требователен и суров, чем с другими, но мы понимаем друг друга без слов. С ним каждый раз на съемке чувствуешь себя так, будто это твой первый фильм. Он не любит актеров, которые задают много вопросов.

— Трудно жить и работать с гением?

— Гораздо легче, чем с глупым. Но как я могу знать, что в голове у Феллини? Когда мы снимали «Ночи Кабирии», он заставил меня надеть короткие носки и туфли без каблуков, которые сделали меня еще ниже ростом, испортили фигуру, нанесли на бедра какую-то материя, да еще выдумал дурацкую накидку из куриных перьев. Потом я поняла, что он, как всегда, был прав.

— А чем вы предпочитаете заниматься вне кино?

— Быть женой Феллини. Мне выпало огромное счастье. Слава Богу, что судьба подарила мне Федерико с его умом и талантом. Правда, он не разрешает мне говорить о нем, не любит ненужной рекламой...

Осенью 1968 года в Москве и Ленинграде состоялся ретроспективный фестиваль фильмов с участием Мазина. После окончания пресс-конференции я подошел к ней и вручил свою книгу «Встречи за кадром», где рассказывается и о моей первой встрече с ней. Мазина с интересом поглядела на снимки и на авторском экземпляре книги написала: «С чувством благодарности и восхищения! Джульетта Мазина-Феллини». Увидев эту надпись, переводчица удивилась: «К вам особое расположение, она почти никогда не подписывается фамилией Феллини...».